

УДК 069.5

Поляков Т. П.

ГОРОД В МУЗЕЕ: ПРОБЛЕМЫ ЭКСПОЗИЦИОННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Аннотация. Автор статьи рассуждает о проблеме формирования образа города в культуре, о месте и роли музейного проектирования в системе производства культурных символов, основываясь на локально-историческом методе Н.П.Анциферова. В практической части работы вкратце рассмотрены концепции авторских экспозиционных проектов «Рязань – душа нации» и «Екатеринбург – душа Империи», трактуемых на данной стадии как музейно-мифологические гипотезы.

Ключевые слова: музейное проектирование, музейная экспозиция, семиотика города, мифология города, Н.П.Анциферов, локально-исторический метод.

О жизни музеев в городской среде пишут часто. А вот о проблемах интерпретации темы «Город» в музейных экспозициях – довольно редко. Начнем с объекта нашего исследования. На первый взгляд, здесь все просто. Любой нормальный человек хорошо знает, что такое город. А если не знает, то, открыв популярный словарь, прочитает, что город – это крупный населенный пункт, административный, торговый, промышленный и культурный центр. Однако среди нормальных людей во все времена появлялись личности с отклонением от общепринятых норм поведения. Эта когорта любопытствующих, или, иными словами, ученых всегда и во всем хотела дойти до конца, докопаться до истины. То есть пыталась определить полный набор содержательного смысла, составляющего суть того или иного понятия. Один из таких ученых, Макс Вебер, попытался постичь тайну «города» путем логического анализа его исторических вариантов и, в конечном итоге, выразить суть данного объекта в наиболее полном, научном понятии. Отметим сразу, что цели своей он не добился, универсальной и относительно краткой дефиниции дать не смог. Но его исследование «Город» является ярчайшим примером оригинального научного

понятия, развернутого на ста тридцати книжных страницах. Это – своего рода провокация для дальнейших поисков и попыток приоткрыть тайну Города, в том числе – не только методами аналитического исследования.

К чему приводит историко-логический анализ М.Вебера? К парадоксам! Несколько примеров. С одной стороны, город – это замкнутое пространство, архетипом которого является крепость или акрополь, огороженный стенами. С другой стороны, как отмечает Вебер, наиболее воинственный античный полис Спарта «гордился отсутствием стен». В этом пренебрежении крепостными стенами и скрыта тайна уникального полиса-лагеря. С одной стороны, каждый город есть «рыночное поселение», т.е. имеет в качестве экономического центра поселения местный рынок. С другой стороны, «рынок» не всегда превращает место, где он функционирует, в «город»: периодические ярмарки и рынки заморских товаров, отмечает исследователь, действовали часто в таких поселениях, которые мы называем «деревнями». И вопрос, почему одна рыночная деревня превратилась в город, а другая, быть может, более известная в истории, нет, – остается открытым, составляет тайну данного места. С одной стороны, принято считать, что европейский средневековый город, как правило, возникал из гильдий – профессиональных союзов производителей. С другой стороны, как подчеркивает Вебер, «не города возникали из гильдий, а гильдии возникали в городах». В частности, в тех, что создавались на основе религиозного движения: в еврейских городах-местечках создание рабочих мастерских начиналось с приобретения самого необходимого для религиозно-полноправного еврея – с приобретения Торы [1]. И так далее, и тому подобное.

Словом, проведя логический и сравнительно-исторический анализ разных аспектов понятия «город», характерных для античных, европейских и, в некоторой степени, азиатских городов, Макс Вебер, закружившись в лабиринте темы, не сделал ни одного наукообразного вывода в качестве стопроцентной истины. Он оставил это право за своими интерпретаторами. Практически все его комментаторы пытались спроектировать этот фантомный вывод и дать хоть какое-то определение понятию «город», по крайней мере, сформулировать схему его возникновения, соответствующую концепции Вебера. Наиболее остроумной, вероятно, является интерпретация А.И.Неусыхина, латентно раскрывающая возможности и границы научного исследования: «Город не произошел ни из вотчины, ни из общины, ни из бурга (крепости. – Т. П.), ни из рынка, а из того, и другого, и третьего одновременно – вот как можно охарактеризовать его вывод» [2].

Таким образом, тайна Города оставалась непознанной. Ближе всех, на наш взгляд, к ее разгадке подошел Н.П.Анциферов. Напомним, что согласно его мифопоэтической концепции Город рассматривается не только как «наиболее конкретный, устойчивый и сложный социальный организм», не только как место «общегития социальной группы сложного характера», но и как живой организм, проходящий стадии рождения, детства, юности, зрелости, старости и смерти [3].

В этом пульсирующем организме можно выделить три элемента: анатомию, физиологию и психологию или, иначе, душу. Анатомия Города – это его внешний облик, его строение, взаимосвязь основных градообразующих элементов, среди которых выделяются место расположения города и его архитектурный план. Физиология города – это отправление его социальных функций, выражаемых через деятельность различных административных, экономических и бытовых организмов. В том числе – политических, правовых, военных, торгово-промышленных, транспортных, санитарно-медицинских, научных, культурных, развлекательных и т. п. Что касается психологии Города, точнее, его «души», то под ней Анциферов подразумевал исторически сложившееся единство всех городских элементов как конкретную индивидуальность, выражаемую на символическом уровне и скрытую за внешними формами, красками, звуками и тенями [4]. Ее часто называли и называют «гением места». Описать эту метафизическую систему городских тайн можно только с помощью языков культуры, способных трансформировать любую социально-бытовую «случайность» в мифопоэтическую закономерность, в символический элемент Бытия.

Напомним, что Н.П.Анциферов и его сторонники рекомендовали изучать Город «живьем», т.е. с помощью экскурсий, строящихся не только на результатах научных исследований, но и с привлечением мифопоэтических текстов. По его мнению, отражение, например, того же Санкт-Петербурга «в душах наших художников слова не случайно, здесь нет творческого произвола ярко выраженных индивидуальностей. За всеми этими впечатлениями чувствуется определенная последовательность, можно сказать закономерность. Создается незыблемое впечатление, что душа города имеет свою судьбу, и наши писатели, каждый в свое время, отмечали определенный момент в истории развития души города» [5].

В российских музеях, посвященных истории Города, подобные принципы и подходы долгое время были не востребованы. Ведь музеи считались храмами науки, где должны храниться и выставляться результаты научных исследований, называемые «коллекциями». Среди «городских» коллекций, включающих археологические и изобразительные источники, последним, в силу их аттрактивности, придавалось особое значение. Поскольку на живописных полотнах и графических листах, как правило, изображались архитектурные объекты, составляющие суть анатомии Города. Собственно говоря, первые музеи по истории города занимались изучением и демонстрацией экспонатов, посвященных истории городской архитектуры. Например, Музей Старого Петербурга начал свою работу с «Исторической выставки архитектуры» (1911), демонстрирующей уникальную коллекцию живописи, рисунка и графики 18-19 вв. на обозначенную тему. После революции, в 1920 году он вошел в состав нового Музея Города и развернул свою новую коллекционную экспозицию, посвященную анатомии «Старого Петербурга», в восемнадцати комнатах бывшего дома Серебрякова (Фонтанка, № 35) [6].

Судьба «городских музеев» и характер экспозиции изменились в начале 1920-х гг. В те годы довлела марксистская идеология «бытие определяет сознание». Предпочтение стали отдавать

физиологии Города. То есть, к истории городской архитектуры добавили социально-бытовую историю, посвятив городским интерьерам основные экспозиционные площади. Например, в том же питерском Музее Города, в Аничковом дворце, демонстрировались интерьеры и «бытовой уклад жизни высших слоев дворянского общества» [7]. В Москве и других городах Советской России стали возникать десятки «музеев городского быта», раскрывавших физиологические нюансы городской среды.

Однако, начиная с середины 1930-х гг., тема «Город» интерпретировалась уже в русле иной идеологической концепции отечественной истории, обусловленной возрождением новой, советской империи. Для подобных экспозиций, возвеличивавших историю отечественных городов, в наибольшей степени подходил универсальный иллюстративно-тематический метод музейного проектирования, объединявший городскую «анатомию» и «физиологию» в идеологическую, мифо-политическую модель «История Города». Постепенно складывались экспозиционные стереотипы этой истории, напоминая иллюстративные альбомы или путеводители, развернутые в трехмерном пространстве музея. Все они строились по одному шаблону: от бивня мамонта или первобытных останков, найденных на месте «Города», – через феодальную крепость (кремль, острог и т.п.), капиталистические торгово-промышленные отношения и городскую буржуазную культуру – к экономическому, градостроительному и культурному «расцвету» в эпоху социализма.

Наступившие перемены, напрямую коснувшиеся музейного проектирования, принесли, с одной стороны, полную свободу в идейно-содержательном и формально-методическом плане, а с другой стороны – спровоцировали новые стереотипы.

Например, многие музеи, отказавшись от идеологического и наукообразного иллюстрирования и опираясь на подлинные вещевые источники – атрибуты городской среды, а также на ансамблевый метод проектирования, вернулись к проблемам физиологии города. То есть, отбросив наивно-бытовые идеологемы 1920-х гг., попытались строить экспозицию как систему интерьеров, характеризующих разные аспекты социально-бытовой жизни Города. Ярчайший пример – экспозиция «История Санкт-Петербурга – Петрограда, 1830-1918 гг.», открытая в Комендантском доме Петропавловской крепости в 2005 г. и посвященная показу «повседневной жизни» Города, его физиологии в «различных формах и проявлениях». Основная задача – продемонстрировать «что ели петербуржцы и во что одевались, как тратили деньги, принимали гостей и путешествовали, где совершали покупки и чем мылись». По мнению авторов, каждый зал раскрывает отдельную тему: банковское дело и торговлю, городской костюм и жизнь доходного дома, многонациональная кухня и городские удобства [8].

Казалось бы, нет ничего интересней. Но недостаток подобных экспозиций состоит в том, что в них демонстрируется только внешняя сторона истории того или иного Города, который, конечно же, развивался по общим законам, но всегда имел свою личную тайну. Сия тайна латентно формировала его неповторимый и, порой, трудноуловимый, истинный облик или, точнее,

философско-поэтический образ. Именно этот загадочный образ, напомним, Н.П.Анциферов и называл «душой города», являющейся выражением коллективного мифопоэтического сознания.

Следует отметить, что за десять лет до открытия Петропавловской экспозиции представители городской интеллигенции Санкт-Петербурга за круглым столом обсуждали будущее «Музея Города», мечтая в 21 в. показать «быт петербуржца разных сословий». Результаты обсуждения были представлены в сборнике «Музей и Город». Однако, в одной из соседних статей, два петербуржца, рассуждая об истории петербургского мифа, напомнили основную цель Анциферова и его коллег как попытку «удержать, запечатлеть душу Петербурга, не дать ей исчезнуть окончательно» [9]. Жаль, что на этот «крик души» не обратили внимания ни участники дискуссии 1990-х, ни проектировщики исторической экспозиции 2005 г.

Другой стереотип в интерпретации темы «Город» связан с попыткой адептов новых информационных технологий заменить традиционные вспомогательные экспонаты – схемы, графики, иллюстрации – электронно-техническими средствами. В частности – мультимедийными программами, способными сделать экспозицию по истории Города «зрелищной и интерактивной». Однако подобные программы уместны, на наш взгляд, только в экспозиционных темах, раскрывающих историю Города второй половины 20 в. Их появление в разделах, посвященных городской жизни 19 в., например, в Государственном музее истории Санкт-Петербурга, в теме «Подъем Александровской колонны», вызывает вопросы. Кроме того, тотальное производство мультимедийных программ лишает музейную экспозицию самого ценного – ее уникальности: программу можно приобрести и посмотреть в другом месте. Нарушается основной музейный принцип: «только здесь и сейчас».

Наиболее перспективным направлением в интерпретации темы «Город» нам видится развитие идей Н.П.Анциферова в контексте отношения к музейной экспозиции как к специфическому произведению искусства. Разрабатывая те или иные образы и сюжеты на тему «души» Города с помощью музейных предметов, трансформирующихся в философско-поэтические символы, музейные проектировщики подключают его историю к сфере духовного, к проблемам Бытия. В результате могут создаваться уникальные, сложные экспозиционно-художественные тексты или, иначе, произведения экспозиционного искусства, приоткрывающие космическую тайну неповторимого Города и рассчитанные на неоднократное «прочтение», в нашем случае – на неоднократное посещение. Подобные экспозиции, опирающиеся на уникальные музейные предметы и вещественные, архитектурно-художественные средства, а также на оригинальные интерактивные технологии, не столько дадут Посетителю «дополнительное знание» о Городе, сколько спровоцируют работу его собственной души и интеллекта.

В своей проектной деятельности, связанной с экспозиционной интерпретацией темы «Город», автор статьи старался развивать идеи анциферовской школы. То есть, пытался проектировать музейные экспозиции, исследующие средствами искусства «душу» того или иного города в

контексте судьбы того или иного героя и наоборот. Среди них «души» таких городов как Москва, Сарепул, Иван-Город, Калининград, Норильск, Новокузнецк, Елабуга, Рязань и Екатеринбург. Последние два города имели особый статус, поскольку их «души», по версии автора, несли общероссийскую идею. Рязань – на уровне Нации. Екатеринбург – на уровне Империи.

На первом этапе, создавая экспозиционный проект «Рязань – душа нации» в местном Историко-архитектурном музее-заповеднике, автор предложил оригинальную сюжетную версию, основанную на средневековой арабской легенде «о трех центрах Руси» – Куябе, Славии и Артании. Большинство ученых считали, что Куяба это – Киев, Славия – Новгород, а Артания... Вот по поводу этой таинственной Артании и разгорелась основная дискуссия. Кто-то искал ее на западе, кто-то на севере, кто-то на востоке.

На наш взгляд, «искра божья» в этом споре упала на Д.Щеглова, А.А.Шахматова, а затем – на А.Л.Монгайта. Щеглов одним из первых предположил, что Артания – это Рязань. Шахматов, опираясь на данные филологии и сближая слово Рязань с названием мордовского (финно-угорского) племени Эрзя, обитавшего в средней части Оки, указал, что Эрдзянь – это позднейшая Рязань, а легендарную «страну славян», где «есть город Вантит», сближал с вятичами, тем самым интерпретируя Артанию как Рязань, важнейший город славянского племени вятичей. Ну, а Монгайт посвятил поискам этой Артании всю свою жизнь. «Как трудно в Рязани, – отмечал археолог, – на всем протяжении летописного периода бывшей глухим захолустьем, видеть один из центров славянства, упоминаемый арабами наряду с Киевом и с Новгородом, что это предположение Шахматова не привлекло внимания. Его причислили к тем из многочисленных гипотез великого исследователя летописей, которым суждено было остаться не доказанными». (Здесь и далее автор, излагая содержание своих «сценарных концепций», не дает ссылки на источники в силу специфики жанра).

Как известно, мифологическое мышление, априорно свойственное человеку, моделирует мир по образу и подобию последнего. Создавая «картину мира» Древней Руси и сменившей её России, человек с развитой душой и верящий в высший разум, не важно, осознано или на подсознательном уровне, будет искать пресловутые «три центра» – сердце, голову и... душу своей страны на разных этапах её развития. «Сердцем» Древней Руси, несомненно, являлся Киев, недаром он стал её столицей и символическим центром былинного эпоса, герои которого стремятся к Киеву, наводят в нем порядок, а в случае необходимости – встают на его защиту. Мозг, сила воли и то, что принято называть «русским духом» – свободолюбивым и рассудительным, способным и к бою, и к искусству, и к торговле – все это свойственно Великому Новгороду. Ну, а душа? Эта неуловимая жизненная сила русской нации, концентрирующая в себе, в одной точке, до парадоксального уровня все национальные качества. Постоянно балансирующая на грани героического и трагического, одновременно и добрая и жестокая, периодически борющаяся то с сердцем, то с разумом. Смелая до безрассудства и боязливая, порой уходящая из сердца в пятки, а порой мужественно принимающая на себя удары судьбы,

удары истории. Тот, кто хоть немного знаком с героической и трагической историей Рязани, вряд ли усомнится в правильности нашего выбора.

Арабы были гениальными математиками. Не поленимся взять карту Древней Руси, найти Куябу-Киев и от этой точки, вызывающей наибольшее доверие ученых, провести линию в северо-восточном направлении, достигая Новгородских земель. А далее, ориентируясь на юго-восток, проведем ещё одну линию таким образом, чтобы в конечном результате получить равносторонний треугольник. Последнюю точку магического треугольника мы найдем в рязанской земле. Словом, если бы Артании не было, её нужно было бы выдумать.

Итак, сюжет проектируемой экспозиции подразумевал, что «душа» Древней Руси обрела приют в легендарном пограничном городе, достигшем к 11–13 вв. наивысшего расцвета. Посетитель войдет в экспозиционный «город Рязань», окруженный мощными укреплениями, с тремя каменными красавцами-храмами, княжеским дворцом и бревенчатыми теремами богатых горожан, не уступающий по красоте и величию своей архитектуры иным русским городам. Его, как легендарный Китеж-град, населяют полу-мифические и полу-исторические герои. Здесь обитают души первых русских святых, невинно убиенных князей Бориса и Глеба – покровителей Рязани. Здесь набирает силу молодой Добрыня Никитич – душа богатырской троицы. Здесь рождается Авдотья Рязаночка – воплощение русской женской души. Наконец, здесь обучается воинской доблести Евпатий Коловрат, в грозные дни нашествия возглавивший воспрянувших рязанских воинов: «почудилось татарам, что мертвые восстали».

А еще он увидит Рязань как город искусных мастеров – плотников, столяров и каменщиков, художников и архитекторов, кузнецов по железу, меди и серебру, гончаров-горшечников, ювелиров-стеклоделов, гребенщиков, токарей, мастеров «золотых дел», вкладывавших душу в нетленные символы древнерусской культуры.

Увидит и другую Рязань – мятущуюся, непокорную, кровавую, «междоусобную». Увидит Рязань дружинно-княжескую, концентрирующую в себе душевные раны братоубийственных войн, опасность распада Руси. Напомним, что один из вариантов этимологии слова «Рязань» – рясa, топкое место, а ведь, согласно М.Шнайдеру, топь, болотистые места являются символами распада души. Посетитель становится свидетелем русских усобиц: бесконечные ссоры, обиды, осады, захваты, сожженные города... Возникает ощущение, что Русь 11 века – душевно больна. Накануне известного Любечского съезда, положившего на какое-то время конец усобицам, фактический хозяин русского «сердца», Владимир Мономах, обращается к душе одной из ключевых фигур тогдашней истории – к непокорному Олегу Святославичу, прозванному Гориславичем, старшему брату и союзнику рязанского князя Ярослава: «Если кто-то из вас не хочет добра и мира христианам, то пусть душа его на том свете не увидит мира от бога. Я к тебе пишу не по нужде: нет мне никакой беды; пишу тебе для бога, потому что мне своя душа дороже целого света». Успокоилась душа Олега, съехались князья в Любеч на «устроенье мира».

Словом, экспозиционная драма, наполненная историческими документами и художественными образами, акцентирует внимание на том, что русская «душа» в те далёкие годы жила не всегда в ладу с сердцем и разумом: то её обуревала гордыня, то она успокаивалась и замирала. Казалось бы, незадолго до монголо-татарского нашествия «душа» помирилась с обновленным «сердцем» – Владимиро-Суздальской Русью. После смерти Всеволода Великого (1212) его сын Юрий отпустил с миром непокорных рязанских князей с их дружинами, томившихся в «тюрьмах владимирских». Но произошла еще одна страшная вспышка душевной болезни и её кульминация: в рязанских землях осуществился символический акт общерусского братоубийства – князя Глеб и Константин Владимировичи «вздумали истребить всех родичей и княжить вдвоем во всей земле Рязанской». В 1217 г. они осуществили задуманное, перерезав на совещании шестерых двоюродных братьев.

Затем посетитель становится свидетелем Батыева нашествия, начавшегося с попытки тотального истребления русской души – разорения Рязани: «Как опишу и как назову тот день, в который погибло столько государей и многое узорочье рязанское – удалцы храбрые, – восклицает автор легендарной «Повести о разорении Рязани...», – ни один из них не вернулся, но все умерли, единую чашу смертную испили. От горести души моей язык мой не слушается, уста закрываются, взор темнеет, сила изнемогает». Экспозиционные мифы о подвигах Евпатия Коловрата, поднявшего воспрянувших русских воинов на борьбу с захватчиками, и Авдотьи Рязаночки, вернувшей души убиенных жителей Рязани в родной город, характеризуют, конечно же, не физическую реальность тогдашней истории, а внутреннее движение русской души к возрождению своей былой силы. Не продала Русь свою душу иноземцам, как не принял веру «чужую» Святой великомученик Роман Ольгович, благоверный князь Рязанский, с которым жестоко расправились в Орде 19 июля 1270 г.

Посетитель продвигается дальше в пространстве и времени рязанского мифа. Вместе со святителем Василием, епископом Рязанским, переместилась многострадальная Душа на чудесной мантии по Оке и Трубежу в Переяславль-Рязанский. Начиналась история новой Рязани. Как гласит легенда, на мантии было еще два колокола, вероятно, с разрушенного старорязанского храма Бориса и Глеба. «Потом стали колокола поднимать, и в это время один колокол оторвался и упал в Трубеж, и, как бывало после этого, заблаговестят на Борисоглебской колокольне, гудит под водой и этот утонувший колокол», поминая душу старой столицы Рязанской земли. Согласно легенде, плывущего святителя встретил «великий князь рязанский именем Олег».

На уровне метафизической и трансцендентной реальности в этой легенде нас привлекает два обстоятельства: образное выражение преемственности двух столиц и упоминание великого рязанского князя Олега. Согласно нашей экспозиционной версии, 14 век – не только один из самых таинственных временных отрезков в вечном движении русской Души, обретшей свое пристанище в Рязанской земле, но и век Олега Ивановича Рязанского. Его образ займет ключевое место в музейной экспозиции. Да, он активно сопротивлялся великому князю московскому

Дмитрию, но делал это в силу абсолютной преданности родной земле, за что был чтим и любим рязанцами. И не только ими. Посетитель узнает, что именно Олегу Рязанскому доверила Русь быть третейским судьёй в военно-политических спорах Тверского и Московского княжеств. И, кто знает, повернись русская история иначе, мы имели бы дело не с Московской, а с Рязанской Русью...

Да, Рязань, точнее – дружины Олега Ивановича формально не участвовали в Куликовской битве, но первая крупная победа над Мамаевой ордой произошла на Рязанской земле – реке Воже. Более того. Легендарная «Задонщина», послужившая основой «Повести о Мамаевом побоище» и других подобных сказаний, была написана рязанским «старцем» Сафонием, в образе которого многие исследователи видели великого писателя, развивавшего традиции автора «Слова о полку Игореве». Кроме того, в экспозиции будет представлен легендарный «посох Пересвета». Этот инок, воплощенная душа Куликовской битвы, на пути к Дону останавливался вместе с Ослябей на отдых в Рязанской земле, неподалеку от Скопина. Здесь, в келье рязанского отшельника поменял он свой иноческий посох на копье поединщика.

И, наконец, главное. В экспозиционном образе Олега Ивановича скрыта основная тайна Куликовской битвы. Ведь летописцы, осуждавшие его политические маневры, порой противоречивые поступки и слова, конечно же, находились под влиянием «московской» версии событий. Но есть и другие версии. Вряд ли кто упрекнет Л.Н.Гумилева в излишней любви к Рязани, но вот как он объясняет пресловутые «метания» рязанского князя: «Никак не уменьшая героизма русских на Куликовом поле, заметим, что немаловажным для победы оказалось отсутствие в битве восьмидесятитысячного литовского войска. Ягайло опоздал к битве всего на один дневной переход. И это было не случайно. Оказывается, Олег Рязанский, которого обвиняли в измене и предательстве, с пятитысячным отрядом сумел, искусно маневрируя, задержать литовцев. Когда же литовцы отогнали Олега, битва уже закончилась...».

Словом, душа новой Руси выдержала испытание. Через несколько лет все завершилось миром и согласием. После ряда военных недоразумений между Москвой и Рязанью к Олегу отправился Сергей Радонежский, который, по словам летописца, «тихими и кроткими речами» много беседовал с князем «о душевной пользе, о мире и любви». В результате Олег заключил с московским князем вечный мир, скрепив его семейным союзом: сын Олега женился на дочери Дмитрия. Наступил относительно тихий и умиротворенный 15 в. – последний период расцвета рязанского княжества. В 1441 г., впервые на Руси, рязанский епископ Иона был «наречен во митрополиты» не константинопольской патриархией, а собором русских епископов: российская душа всегда стремилась к самостоятельности.

Экспозиционный миф близок к развязке. В начале 16-го века периодически нарушаемый союз Москвы и Рязани обернулся полным подчинением последней своему довольно жестокому «сердцу». Рязань формально и окончательно вошла в состав Московского княжества, точнее – в

состав Московской Руси, постепенно трансформирующейся в Россию. С этого времени и на протяжении последующих двух столетий русская Душа, по нашей версии, как и мать последнего независимого рязанского князя, Агриппина, что в переводе с латинского означает «печальная», скрывалась в монастырях. Это были своеобразные духовные крепости Руси-России: Спасский, Духовской, Солотчинский, Богословский, Николо-Радовицкий, Успенско-Ольговый... Помимо уникальных сокровищ, монастыри хранили духовную ментальность нации, или, иными словами, её душу, запечатленную в летописных сводах, книгах, иконах, предметах декоративно-прикладного церковного искусства, а также – в навыках ведения продуктивного хозяйства.

Последний душевный подъем нации – смутное время и избрание новой династии, приведшей Русь к России. Рязань и здесь сыграла ключевую роль. Воинственная «душа» нации составила одну из первых и основных линий так называемой «засечной черты». Эта линия обороны была завершена потомками Олега Ивановича в конце 16-го века и реконструирована в тридцатых годах 17 в. Оказавшись в центре «засечной черты», рязанское дворянство, охранявшее примерно половину юго-восточной границы, представляло собой элиту правительственных войск. Ведь, по мнению Гумилева, «пассионарный потенциал Рязанской земли» в начале 17 в. был много выше, чем в Москве. Недаром воеводами южнорусских дворян, составлявших основу «крестьянского восстания» Болотникова против царя Василия Шуйского, были рязанцы – полковники Григорий Сумбулов, Прокопий Ляпунов и сотник Истома Пашков. Именно с помощью этих военных профессионалов Болотников дошел до Москвы, пытался её окружить и штурмовать. Наконец, спасителем отечества в 1612 г., олицетворявшем проснувшуюся душу нации, стал рязанский князь, бывший зарайский воевода Дмитрий Михайлович Пожарский.

Каждая из старинных башен Переяславля-Рязанского – Глебовская, Спасская, Тайничная, Духовская, Ипацкая, Всесвятская, Рязанская, Введенская – хранила свою легенду, свою тайну, связанную с набегами ногайцев, крымских татар и поляков, а также с иными, более радостными событиями русской истории. Посетитель увидит, как через условные «московские ворота» новой Рязани выехал в роковое для нации 1613 г. рязанский архиепископ Феодорит, сыгравший одну из главных ролей на Земском соборе, избравшем на царство Михаила Романова.

Накануне и в процессе петровских реформ многострадальная «русская душа» устремилась к небу: в 1699 г., в Ряжске, рязанский стрелец Серов сделал «крылья великие и пытался на них летать». Через четверть века житель ряжского уезда Островков сделал крылья из «бычьих пузырей», а кузнец Черная Гроза – «из проволоки и перьев». Наконец, в 1731 г. в самой Рязани неважно кто – мифический «подьячий Крякутной» или «крещеный немец Фурцель» – совершил первый полет на воздушном шаре.

История распорядилась так, что «сердце» Руси-России переместилось из Киева во Владимирскую землю, затем – в Москву. «Мозг» нации из новгородских земель – в Санкт-Петербург. Душа же

страны, ставшей Империей, покинув Рязанские земли, оказалась в столице Уральской промышленности, в городе Екатеринбурге.

Проект экспозиции в Музее истории города Екатеринбурга, названный «Душа Империи» (2008), касался символично-мифологической сути этого города, названного в честь Екатерины I, позднее переименованного в Свердловск, а затем вновь обретшего прежнее имя. Как отмечал А.Ф.Лосев, «миф – это имя». При слове «Екатеринбург-Свердловск-Екатеринбург» возникает целый ряд образных ассоциаций, начиная с «хозяйки медной горы», убийства царской семьи, победы в Великой Отечественной войне и кончая образом «первого президента». На сегодняшний день Екатеринбург все чаще и чаще позиционируется как «третья столица» России. Городские интеллектуалы заняты анализом екатеринбургского мифотворчества. В разные времена рождались такие мифологемы как «город-камень», «город-узел», «центр континента», «город на границе», «евразийская столица», «сгусток силы», «город сильных и вольных людей», «город-гора с бездной энергии», «город-преодоление» и другие. На постмодернистском уровне этот процесс характеризуется мифологемами в стиле «Город-Цареубийск» или «Яков Михайлович Екатеринбург».

Словом, будущим посетителям экспозиционного мифа, приоткрывающего тайны Екатеринбурга, предлагалось ответить на ряд глобальных вопросов. Например. Случайно или не случайно то, что именно здесь был совершен символический акт расстрела царской семьи, «закрывший» империю Романовых? Случайно или не случайно то, что именно здесь «вырос» Б.Н.Ельцин, «закрывший» советскую империю? Случайно или не случайно то, что легендарный маршал Г.К.Жуков – своего рода воплощение Победы, энергии и силы народа – был сослан Сталиным сначала в Одессу, а затем в Свердловск? Случайно или не случайно то, что герои культового фильма «Два бойца» представляли Одессу и Свердловск, т.е. два аспекта российской души – лиричность и, самое главное, душевно-физическую силу, вспомним «Сашу с Уралмаша»? Случайно или нет, что срыв производства артиллерийских орудий на Екатеринбургских заводах поставил романовскую империю на грань катастрофы в период Крымской войны? Случайно или нет, что огромный поток военной техники, шедший с легендарного «Уралмаша», предопределил победу сталинской империи во Второй мировой войне?

Подобные вопросы провоцируют музейного посетителя не только на поиск ускользающего «genius loci», души этого «странного Города», но и на разговор об особенностях этой души, приобретающей, как подсказывает ряд поставленных вопросов, имперский масштаб. На гипотетическом уровне можно предположить, что душа Екатеринбурга в силу ряда обстоятельств выросла до уровня общероссийской «души», представлявшей мощный энергетический узел Империи. Этот узел обеспечивал жизненной силой огромную территорию, позволял ей расти, расцветать, угасать и вновь возрождаться на разных этапах своего исторического бытия. Постепенно, по мере раскручивания экспозиционного сюжета, разговор о «третьей столице»

России получает метафизическое обоснование, на большинство вопросов – отрицательный ответ, и ряд екатеринбургских мифологем приобретают, как нам кажется, единую матрицу.

Теперь немного об Империи и ее Душе в контексте экспозиционной истории Екатеринбурга. Сразу подчеркнем, что употребляем эти понятия не в строго научном значении, а на философско-поэтическом, метафорическом уровне. Нам кажется не случайным тот факт, что Екатеринбург был образован почти сразу же вслед за объявлением России Империей в 1721 г. Посетителю экспозиции будет представлен ряд доказательств, что империи «нового времени» отличались от своих исторических аналогов. Что, сохраняя основные категории имперского сознания, выразившегося в целенаправленном расширении своей территории и сплочении бесчисленного многообразия культур, традиций и народов, они опирались не только на духовные и военные силы, но и на материально-технические ресурсы, способные обеспечивать жизнеспособность этих сил в эпоху «промышленных революций». Волею судьбы Екатеринбург оказался на перекрестке экстенсивно-территориального и интенсивно-промышленного развития Российской империи. Именно здесь образовался тот сгусток энергии – материальной и духовной, который позволил ей в течение короткого времени не только объявить себя изумленному миру, но и почти три столетия занимать в нем одно из ключевых мест. Несмотря на все трансформации государственного строя и идеологии в первой трети 20 в.

Обратим внимание посетителя на герб, дарованный городу во времена Екатерины II. Он объективно воплощает в себе историческую миссию Екатеринбурга быть «душой» российско-имперского организма. Ибо колодец с древнейших времен считался символом жизненной энергии и духовной истины. В сказках и снах, согласно глубинной психологии, колодцы по-прежнему являются как места проникновения в неизвестный мир бес-сознательного, в мир человеческой души, стремящейся утолить жажду высшего познания. Что касается второго знака на историческом гербе города, то в мировой символике печь чаще всего выражала непорочное женское начало. Или – функциональный инструмент, с помощью которого природный продукт трансформировался в культурный объект, т.е. «одушевлялся», «очищался», становился символом духовных ценностей и идеалов. Не зря же в названии города подчеркивалась чистота и непорочность его святой покровительницы. Хотя, с другой стороны, как справедливо заметил А.И.Солженицын, прошедший «печи» сталинской империи, «душа воспитывается в мучениях...». Во всех этих рассуждениях нет ничего необычного. Подобной интерпретацией старинного герба давно занимаются местные культурологи. В частности, С.Л.Кропотов интерпретирует екатеринбургскую «печь» как инструмент переплавки «сырых» люмпенов, «приходящих в этот город со всех концов страны», в полноценных горожан-граждан. А «колодец» ассоциирует не только с трагическими событиями 1918 года, но и с символическими «глубинами», где зарыта «сила». Эта сила – «тайная, опасная энергия, которая может вырваться и привести к трагедиям, а может быть фактически предметом для капитализации». «Получается, что уральцы, – отмечает Кропотов, – живут на территории, которая такая-растакая, а копни – там душа, в ней бездны, в ней энергетика, в ней ресурсы...»

Посетителю предлагается осваивать экспозиционный миф с «уличной зоны», где скульптурные композиции на мифологические сюжеты коренных народов Урала обозначают специфику языка будущего произведения экспозиционного искусства. Далее – подвал, своего рода экспозиционный Пролог на тему «Подземный Екатеринбург», обозначающий, помимо прочего, гипотетическое «убежище» или, как говорят современные культурологи, месторазвитие городской «души». Затем – первый этаж, начало Города-Завода, его выход в пространство и время Российской Империи первой половины 18 в. Далее от Екатерины I – по «лестнице времени» вверх, к эпохе Екатерины II, к городскому гербу, к неформальному центру мощного региона, обеспечивавшего жизнедеятельность всей Империи. Далее – анфилада Екатеринбурга 19 в. Минует звон медно-бронзовых колокольчиков на «узле» дорог между двумя головами имперского герба, посетитель пройдет сквозь «самоцветно-малахитовый», «золотой» и «бумажный» периоды екатеринбургского мифа. А затем вместе с грохотом паровоза на новом «узле» российских железных дорог ворвется в иллюзорный и трагический 20 век.

Границей между растворяющимся во времени Екатеринбургом (душой старой, романовской империи) и быстро развивающимся Свердловском (душой новой, советской империи) является символическая Стена из ипатьевского дома. Она находится на одной вертикальной оси с центральной композицией «Екатеринбург – душа Империи». В «левой» части, точнее в начале 20 века – угасшая надежда эпохи модерна и трагизм гражданской войны. А в «правой» части 20 века строятся доминанты советского мифа в контексте Свердловска. Это – «новорожденный город Свердловска», мощная энергетика конструктивизма, заслонившая убогость советских коммуналок. Это – легендарный «Уралмаш», создавший новый промышленный центр «города-работника» и ставший символом советской индустриализации. Это – «город-воин», его танки и люди, обеспечившие Победу в Великой отечественной войне, а также воплощенная душа Победы – маршал Жуков. Это – хрущевская словесная «оттепель», его первая миротворческая речь на Уктусском аэродроме... и сбитый над Городом американский самолет-разведчик, чуть не столкнувшийся в ядерной схватке две империи. Это – город «развитого социализма» времен «дорогого Леонида Ильича», превращенный в, казалось бы, вечный праздник – трудовой, политический, военный, культурный и, разумеется, спортивный. Наконец, это эпоха Первого Президента России, символически обозначившая конец советской империи, покаяние и попытку найти новую «национальную идею».

Еще раз отметим, что экспозиционные проекты «Рязань – душа нации» и «Екатеринбург – душа Империи» – музейно-мифологические гипотезы. На те же роли могли и могут претендовать Ростов Великий, Кострома, Нижний Новгород, а также Пермь, Челябинск, Красноярск и другие города центральной России, Урала и Сибири. Как говорится, Бог им в помощь. Пусть раскручивают свой глобально-городской миф, пусть облачают его в художественные или музейно-экспозиционные формы. Здоровое соперничество городов никогда не вредило культуре. Наоборот. В музейном деле оно способствовало бы актуализации духовно-нравственных проблем, связанных с поиском мифической «национальной идеи».

И еще. В пространстве музейной экспозиции можно интерпретировать самые разные проблемы, связанные с историей Города, с его анатомией, физиологией или психологией. Но цель авторов будет достигнута только тогда, когда Посетитель, выйдя из музея, устремится в, казалось бы, знакомое городское пространство, пытаясь разобраться в том для него новом, что увидели музейные проектировщики в привычном, обыденном, бытовом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Вебер М. Избранное : Образ общества. М.: Юрист, 1994. – С. 309-439.
- [2] Неусыхин А.И. Социологическое исследование Макса Вебера о городе. // Вебер М. Избранное. Образ общества. – М.: Юрист, 1994. – С. 683 .
- [3] Анциферов Н.П. Пути изучения города как социального организма. – Л.: Сеятель, 1926.
- [4] Там же. С. 29.
- [5] Анциферов Н.П. Душа Петербурга. – Петроград: Брокгауз-Ефрон, 1922. – С.20-21.
- [6] Павелкина А. Музей Старого Петербурга // Музей и город. – СПб.: Арсис, 1993. – С. 11-15.
- [7] Попова Г. Музей Города // Музей и город. – СПб.: Арсис, 1993. – С. 16-21.
- [8] Путеводитель. История Санкт-Петербурга – Петрограда : 1830-1918. – СПб.: 2005. – С. 2
- [9] Лурье Л., Кобак А. Рождение и гибель петербургской идеи // Музей и город. – СПб.: Арсис, 1993. – С. 25.

© Поляков Т.П., 2013.

Статья поступила в редакцию 02 октября 2013 г.

Поляков Тарас Пантелеймонович,

кандидат исторических наук,

Начальник отдела музееведения и актуализации культурного наследия

Российского института культурологии (Москва),

e-mail: polyakov_t@mail.ru

UDC 069.5

*Polyakov T.***CITY IN THE MUSEUM: EXPOSURE PROBLEMS OF INTERPRETATION**

Abstract. The author, well-known authority in museology and museum designer of modern Russia, discourses on the problems of semiotics of a city in Russian culture, basing on the Antziferov's "local-history" method. Practical part of the paper reveals two Polyakov's museum design projects "The City of Ryazan as a Soul of Nation" and "The City of Ekaterinburg as a Soul of Empire" represented as the so called museum-mythological hypotheses.

Key words: museum design, urban semiotics, urban mythology, Nicolas Anziferov, museum exposition, genius loci.

Polyakov Taras Panteleymonovich,

Dr. in History,

Head of the Museology and Cultural Heritage Actualization Dept.

Russian Institute for Cultural Research (Moscow),

e-mail: r.polyakov_t@mail.ru